

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СИБИРИ /
POLITICAL HISTORU OF SIBERIA

Серия «Политология. Религиоведение»

2014. Т. 9. С. 142–151

Онлайн-доступ к журналу:

<http://isu.ru/izvestia>

ИЗВЕСТИЯ

Иркутского

государственного

университета

УДК 94(57)

**Роль Иркутска в становлении
международных отношений и торговли со странами
Азиатско-Тихоокеанского региона в XVIII–XIX вв.**

В. П. Шахеров

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы формирования дореволюционного Иркутска как административного и экономического центра Северной Азии. Анализируются основные этапы его взаимоотношений с Китаем, Монголией, Японией и территориями Русской Америки.

Ключевые слова: Иркутск, купечество, экономические связи, пушные промыслы, китайские товары.

С первых лет своего существования Иркутск отличал своеобразный восточный вектор, ориентированный на китайский рынок и тихоокеанские промыслы. Сама судьба, казалось бы, позаботилась о том, чтобы превратить его в центр обширнейшего края, сделать его «средоточием всей многообразной сибирской торговли». Этот город с самого своего основания был истинно российским, хотя близость к Востоку всегда придавала ему своеобразие и особый колорит. Новое русское поселение в Прибайкалье оказалось в центре пересечения важнейших торгово-промысловых и колонизационных путей. Ангара, с одной стороны, связывала его с остальной Сибирью, с другой – выводила на просторы Забайкалья, в монгольские степи и далее к китайской границе. По долинам Иркуты и Тунки можно было без труда добраться до Саян и по перевалам достичь Монголии. Наконец, через кудинские степи открывался путь к верховьям Лены, а по ней – в Якутию и на тихоокеанское побережье. Выгодное географическое положение делало Иркутск важнейшим стратегическим пунктом Северной Азии и во многом содействовало его административному статусу. Иркутское воеводство, затем провинция, губерния, наместничество, генерал-губернаторство наконец постепенно вобрали в себя необозримую территорию от Енисея до Тихого океана и Русской Америки. Это была «держава», почти равная заморским владениям Испании, причем территории ее постоянно расширялись.

С конца XVII в. Иркутск начинает играть ведущую роль в дипломатических отношениях и пограничной торговле с монгольскими княжествами и

Китаем. Усиление русского влияния в Забайкалье, с одной стороны, укрепляло торговые и политические связи с монгольскими феодалами, с другой же – нередко сопровождалось стычками и набегами монголов на бурятские земли. Еще в 1673 г. иркутские власти доносили, что из-за постоянных набегов монгольских отрядов на улусы бурят в «...ясачном сборе во всех острогах чинитца многая поруха и в ясачных иноземцах смута, а служилых людей в острогах за малолюдством бывает мало» [6, с. 9]. В этой ситуации руководителям сибирских острогов приходилось вести себя очень осторожно, стараясь мирным путем улаживать возникающие противоречия. Наиболее умелым дипломатом в эти годы проявил себя иркутский воевода Л. К. Кислянский. Так, в мае 1684 г. в остроге встречали посольство влиятельнейшего монгольского князя Очирой Саин-хана. В ходе переговоров иркутский воевода поблагодарил монголов за сообщение о намерениях маньчжур начать военные действия против русских острогов, но решительно пресек все предложения установить систему двойного обложения тункинских бурят. Москва же приписала воеводе и впредь пресекать попытки монголов претендовать на бурятское население, в то же время содействовать развитию торговых связей [1, с. 133].

К лету 1685 г. ситуация в Забайкалье резко осложнилась. На Амуре маньчжуры осадили Албазинский острог, а монгольские отряды блокировали Селенгинск и Удинск. Тогда же была предпринята попытка прорваться к Иркутску. В начале мая десяти тысячный отряд Цэцэн-нойона осадил Тункинский острог, прикрывавший дорогу на Ангару. Л. Кислянский спешно вооружил иркутских посадских и крестьян, пополнил ими малочисленный гарнизон и с отрядом в 120 человек отправился на помощь тункинским казакам. Цэцэн-нойон, узнав о приближении иркутян, снял осаду. Все участники обороны Тункинского острога были награждены отрезами кумача, а воевода – серебряным ковшом, соболями и китайскими тканями [1, с. 134]. В дальнейшем Иркутск стал одним из центров дипломатического диалога с монгольскими князьями. Контакты осуществляли как иркутский воевода, так и назначенный в Сибирь в 1686 г. чрезвычайный и полномочный посол боярин Ф. А. Головин. Переговоры начались в июне 1687 г. в Иркутске и продолжались осенью в Удинске и Селенгинске. В ноябре 1688 г. в Иркутск прибыло посольство правителя Джунгарии Галдан Бошокту-хана, предложившее русским властям помощь в отражении монгольских набегов. Сношения с Голданом продолжались и в следующем году. Их вел вновь определенный иркутским воеводой стольник Л. К. Кислянский, который к тому же был назначен товарищем (заместителем) Ф. А. Головина, «всякие наши, великого государя, дела делать заодно». В августе 1689 г. между Россией и Китаем был заключен Нерчинский мирный договор, установивший территориальные размежевания между двумя государствами. Ценой потери амурских владений России удалось отстоять забайкальские рубежи, локализовать маньчжурскую экспансию и тем самым спасти народы Прибайкалья и Забайкалья от порабощения.

Усилению торговой роли Иркутска заметно способствовало развитие пограничной торговли с Монголией и Китаем. Из Иркутска через Тунку служилые и торговые люди регулярно ездили в Монголию «для скотинной покуп-

ки». От бухарцев и монгольских торговцев в Иркутск поступали китайские товары, а оттуда вывозились на Ирбитскую ярмарку и в Россию. Бухарские торговцы, заинтересованные в установлении торговых связей с русскими купцами, с 1680-х гг. регулярно стали появляться в восточносибирских городах. Воспользовавшись частыми поездками монгольских послов в Иркутск, они стали отправлять караваны и туда. Первый такой караван подошел к стенам острога в ноябре 1684 г. На 170 верблюдах были доставлены китайские ткани, хлопчатая бумага, чай, табак, мерлушка. На следующий год Иркутск принял новый караван из 130 верблюдов в сопровождении 15 торговых бухарцев с семьями. Самым многочисленным оказался третий караван. На 172 верблюдах было привезено китайских и бухарских товаров более чем на 2 тыс. руб. [1, с. 113]. К их прибытию в Иркутске собрались торговые люди со всей Сибири. Съезд торговых и промышленных людей был настолько велик, что в городе не хватило жилых и складских помещений.

Большое значение для экономики края имело установление торговых отношений между Россией и Китаем. Центром этой торговли до начала XVIII в. был Нерчинск. Именно отсюда отправлялись казенные и частные караваны в Пекин. Через Иркутск товары проходили транзитом. Активным участником торговли была казна. Иркутский воевода Л. Кислянский уже в 1689 г. предлагал всю «мягкую рухлядь», собранную в Иркутске с ясачных людей и таможенной, посылать для обмена на китайскую границу и ожидал от этого «прибыль немалую» [8, с. 32].

Роль Иркутска заметно возросла после освоения нового пути в Китай через Селенгинск и монгольские степи. Впервые по нему проехало посольство Н. Г. Спафария в 1675 г. Для целей русско-китайской торговли его использовал российский торговый гость И. Саватеев. Новый путь хотя и был значительно труднее, но занимал почти в два раза меньше времени. С 1703 г. казенные караваны в Пекин стали уходить из Иркутска, что превратило его в центр караванной торговли. В 1706 г. новая дорога официально была одобрена Сибирским приказом.

В XVIII в. Иркутск становится признанным центром пушной торговли, привлекая сюда многочисленные капиталы из городов русского Севера. Кроме того, близость к китайскому торгу, который с 1730-х гг. был сосредоточен в торговой слободе Кяхта, также способствовал торговым оборотам города. В 1768 г. была учреждена Иркутская ярмарка, объемы торговли которой постоянно росли и уже в конце столетия достигли почти 4 млн руб., что составляло до 6 % общероссийского оборота [13, с. 130]. В результате торгово-промышленного освоения новых ресурсов на Дальнем Востоке и в северной части Тихого океана происходило формирование иркутского купечества. Даже те, кто не записался в иркутский посад, десятилетиями числились иногородними гостями, имели здесь конторы, складские помещения, жилые дома. В итоге в Иркутске сформировалось самое активное, предприимчивое, образованное купечество. Оказавшийся в августе 1787 г. в Иркутске американец Дж. Ледиард со слов иркутских купцов записал, что в разных частях Америки

находится до 2 тыс. русских промышленников. Он же отзывался о них как об «очень интересных и смелых людях» [3, с. 183].

С ростом числа и масштабов морских экспедиций росла роль сибирских властей в их подготовке. Указами и распоряжениями коронной власти им напрямую предписывалось содействовать укреплению позиций российских промышленников на новых территориях. Сибирские и иркутские власти неизменно поддерживали все проекты по расширению морских промыслов, созданию крупных компаний, организации постоянных поселений на американском континенте. В Иркутске, единственном российском городе, достаточно удаленном от морского побережья, с 1754 по 1839 г. существовало адмиралтейство, занимавшееся организацией перевозок через Байкал и обеспечением необходимыми припасами и оборудованием Охотского порта. В эти же годы в городе была открыта навигационная школа, ставшая настоящей кузницей кадров для освоения тихоокеанских просторов. В ней готовили штурманов, геодезистов, землемеров. К тому же со временем в ней появились классы по изучению восточных языков – монгольского, китайского, маньчжурского и даже японского.

С середины XVIII в. Иркутск становится основной базой промыслового освоения Русской Америки. Здесь формируются купеческие компании, заключаются торговые сделки, набираются команды промышленников и мореходов. По данным иркутской городской думы во второй половине XVIII в. среди работников тихоокеанских промыслов было около 200 иркутян [4, л. 1–8 об.]. Многие из них обратно в город уже не вернулись: погибли в вояжах, остались на островах, продолжали участвовать в промыслах на кораблях других компаний. Иркутское купечество охотно вкладывало капитал в создание промысловых компаний на Тихом океане и реализацию привезенных из Америки мехов на российском и китайском рынках. На всю Сибирь гремели имена купцов-промышленников И. Бечевина, Н. Трапезникова, позднее М. В. Сибирякова, Н. П. Мыльников, Ф. Я. Дудоровского, братьев Киселевых и др. Вместе с предпринимателями из других российских и сибирских городов они открыли и освоили острова Командорские, Алеутские, Прибылова, а также побережье и острова залива Аляска.

Тихоокеанские промыслы и торговля с Китаем привлекали в Иркутск многих предприимчивых людей из разных мест России, надеявшихся на быструю удачу и приобретение капиталов. В результате плаваний рыльского купца Григория Шелихова в 1783–1786 гг. были основаны первые русские поселения на островах Кадьяк, Агофнак и у входа в Кенайский залив на Аляске. Наряду с пушным промыслом Шелихов пытался завести на новых землях хлебопашество, разведать природные ресурсы, изучить обычаи и нравы аборигенного населения, установить торговые связи с промышленниками из других стран. Шелихов первый призвал к объединению всех промысловиков в одну крупную компанию по примеру английской Ост-Индской. Особое значение он придавал возможности «завести торговлю с Японией, Китаем, Индией, Филиппинскими и прочими островами, по Америке же – с гишпанцами и с американцами».

Идеи Г. И. Шелихова были реализованы иркутскими купцами. В начале 1796 г. возникла Иркутская коммерческая компания во главе с Николаем Мыльниковым. Для управления делами в Иркутске учреждалась Главная контора с филиалами в Охотске и на Камчатке. Это было уже не семейное предприятие, а акционерная компания, в которой проводились выборы ее правления. Следующим этапом стало ее объединение с компанией наследников Шелихова, а затем и создание Российско-Американской компании. Из 20 человек, подписавших акт о создании объединенной компании, 14 принадлежали к богатым и влиятельным в Иркутске купеческим фамилиям. В состав совета директоров компании, состоящего из четырех человек, вошли три иркутянина. 27 декабря 1799 г. права и привилегии компании были подтверждены и закреплены жалованной грамотой Павла I. Клану Шелиховых удалось добиться перевода главной конторы в Петербург, поближе к высочайшим покровителям, после чего иркутяне были оттеснены на второстепенные роли.

Рост Иркутска как административного и экономического центра привел к тому, что здесь сформировалось своеобразное и самобытное культурно-информационное пространство, включающее в себя как вербальные, так и письменные каналы. Слухи, разговоры и рассказы людей, побывавших в Новом свете, письма приказчиков и промышленных людей – все это активно потреблялось обществом, влияло на формирование представлений о далеких странах и территориях. Сами торговые связи зачастую служили звеньями информационного и культурного обменов между жителями городов и инородцами и жителями других государств. В городе проездом бывали многие мореплаватели, ученые и военные, также рассказывающие обо всем увиденном.

Российско-китайская торговля, несмотря на взаимовыгодный для обеих сторон характер, была ограничена территориально и хронологически. Она имела черты пограничной меновой торговли и была сосредоточена в одном пункте – Кяхте. Основной промен продолжался в течение всего нескольких месяцев – с ноября по март. Представители крупного капитала неоднократно делали попытки к расширению торговых связей с китайским государством, искали новые рынки сбыта. Во второй половине XVIII в. появилось много различных проектов установления торговых отношений с государствами Юго-Восточной Азии: Китаем, Японией, Кореей, Индией, Филиппинами, а на Американском материке – с испанцами и американцами.

В развитии торговых связей с Японией иркутские купцы проявляли особую заинтересованность. Еще с середины XVIII в. в городе было введено преподавание японского языка в местной навигационной школе. В начале 1790-х гг. в группе иркутских купцов и чиновников возник проект установления торговли с Японией. В сентябре 1791 г. появился именной указ «Об установлении торговых отношений с Японией». Поводом послужило желание Екатерины II вернуть на родину группу японских моряков, потерпевших кораблекрушение у российских берегов. Экспедиция отправлялась от имени иркутского генерал-губернатора, видимо, для того, чтобы не уронить престиж императрицы. Несмотря на то что Япония уклонилась от подписания дипломатических и торговых договоров, российским купцам было позволено

приходить в порт Нагасаки и производить торговлю. Полученные результаты вызвали в правительстве противоречивые оценки. Екатерина II ожидала большего и в ряде писем не скрывала своего разочарования его итогами. Тем не менее по ее распоряжению началась подготовка новой экспедиции в Японию. Лишь смерть основных вдохновителей проекта – Г. И. Шелихова, Э. Лаксмана и самой Екатерины II – помешала реализации планов иркутян.

В 1796 г. Мыльниковы с группой иркутских купцов разработали проект дальнейшего развития торговых отношений с Японией. Любопытно, что идеи Шелихова об объединении разрозненных капиталов были поддержаны иркутянами. Их проект предполагал создание единой торгово-промышленной компании для морской торговли на Южных Курилах и Японии, так как «разные компании, торгуя одинаковыми товарами, делают одна другой подрыв». Эти планы так и остались на бумаге, но в итоге их обсуждения появилась возможность создания объединенной компании иркутских купцов-промышленников, во главе которой встал Н. П. Мыльников с сыновьями.

Уже в середине XVIII в. в среде иркутских купцов и иногородних гостей начинают возникать проекты расширения тихоокеанских промыслов и торговой экспансии на китайские территории, объединения капиталов и образования компаний по примеру английских, голландских, даже китайских. Одним из первых предложил проект создания единой купеческой компании по торговле «с пограничными около Сибири государствами» в 1739 г. иркутский вице-губернатор Лоренц Ланг, не раз бывавший в Китае и хорошо знакомый с состоянием русско-китайского торгового дела [7, с. 287]. Позднее, в 1770-х гг., другой иркутский губернатор – А. Бриль просил разрешить в Иркутске учредить компанию наподобие голландской Ост-Индской, чтобы каждый купец или промышленник мог отдавать в контору свой капитал, не подвергая его никакой опасности [11, л. 15 об.].

Интересен также проект создания компании на паях для организации и отправки в Пекин купеческих караванов, поданный в 1793 г. группой купцов [5, л. 9–25]. Начальный капитал устанавливался в 200–400 тыс. руб. Составление каравана, закупка лошадей и повозок, наем работников должны были осуществляться в Иркутске. Считая, что кяхтинская торговля все более и более становится зависимой от китайской стороны, которая в основном привозит в Кяхту товары «совсем избыточны и коих с рук в другие места не могут сбыть», компаньоны предлагали закупать в Пекине и вывозить в Россию такие необходимые стране предметы, как драгоценные металлы, сырье для промышленных предприятий (шелк-сырец, ремень, сахар и т. п.). Предполагалась даже промышленная переработка некоторых видов сырья. Так, планировалось в Иркутске или близ него строительство сахарного завода, для чего авторы проекта испрашивали государственные привилегии.

В 1798 г. на рассмотрение Государственного совета поступили прошение и ряд записок иркутского купца Ф. Щегорина, неоднократно бывавшего в Китае и хорошо знакомого с организацией китайской торговли. Без ложной скромности он сам это подчеркивал: «Быв дважды в Пекине, скажу, что едва ли кто лучше меня сию коммерцию знает во всей Российской империи, да и

вся Европа точных сведений о том не имеет» [2, с. 764]. Подробно рассмотрев состояние российской и китайской коммерции, он отдал предпочтение последней и предлагал преобразовать торговлю России по образцу и правилам китайской. К лучшим сторонам китайской торговли он относил организацию их компаний, стремление изучить российский рынок, поддерживать высокие цены на свои товары, не променивать их на дорогие и ненужные вещи, а также на такие, которые производят в самом Китае. Несмотря на негативную в целом оценку бумаг Щегорина, некоторые мысли иркутянина нашли отражение в Правилах кяхтинской торговли 1800 г. Личность Ф. Щегорина оказалась малоизученной в исторической литературе. Между тем это был один из интереснейших представителей нового поколения сибирских предпринимателей [14, с. 75–77].

В начале XIX в. правительство попыталось предпринять практические шаги по реализации требований кяхтинских торговцев. При отправке в 1803 г. посольства Ю. Головкина в Китай ему поручалось среди прочих поднять вопрос о разрешении торговли по всей пограничной линии, а также об открытии для российского купечества Кантона. Цинские власти, как известно, не приняли российского посольства, и на долгое время эти очень важные для китайского торгового диалога проблемы исчезли из дипломатического диалога России с Пекином.

В первой половине XIX в. расширение китайского рынка было тесно связано на решении вопроса об Амуре. Вопрос о возвращении Амура неоднократно поднимался в проектах иркутян. Добивалось его разрешения и руководство Российско-Американской компании, для которой путь по Амуру и освоение дальневосточных рубежей было жизненно важно. После плаваний Невельского к устью Амура большую активность в разрешении амурской проблемы проявил генерал – губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев. В 1854 г. он, не спрашивая разрешения китайского правительства, на пароходе со многими баржами спустился по Амуру до Мариинского поста, где была оставлена сотня казаков. В 1855–1859 гг. было предпринято еще несколько сплавов по Амуру, сопровождавшихся переселением на новые земли казаков и крестьян. В мае 1858 г. Муравьевым был подписан Айгуньский договор, закрепивший за Россией левый берег Амура.

Многолетняя борьба сибирского купечества завершилась заключением в 1860 г. Пекинского договора, установившего свободную и беспешпленную торговлю на всем протяжении китайской границы и позволившего русскому купечеству ездить с караванами в Пекин и другие города Поднебесной. Наибольший интерес в расширении российского влияния на Восток и на территорию Юго-Восточной Азии проявляли иркутяне и жители забайкальских городов. В 1857 г. иркутский купец А. В. Белоголовый сообщал в одном из писем: «У нас в настоящее время открываются такие вопросы, край невольно начинает заинтересовываться: Амур, американцы, торговля с Японией, пароходство по Байкалу, пароходство по Амуру, посольство в Китай, бандероли на чай, поставка графиту в Европу и Америку, экспедиция к урянхам (тувинцам), железная дорога от Иркутска до Читы. Это такие события, за которыми начнется ряд новых и, может быть, гораздо замечательнейших» [9, с. 180]. Из

перечисленных проектов далеко не все осуществились, но само их разнообразие и широкое обсуждение в деловых кругах Сибири стимулировало активность местных капиталов на Востоке. Сибирские предприниматели хорошо понимали, что с занятием Амура Н. Н. Муравьев «прорубил окно к Тихому океану и открыл нам водяное сообщение со всем остальным миром!» [10, с. 161].

Для развития торговых отношений и плаваний по Амуру иркутянами была предпринята попытка создания специальной компании. Амурская компания задумывалась в духе Ост-Индской, но в итоге смогла вести только мелочную торговлю, а все ее более масштабные начинания окончились неудачами. В среде иркутских предпринимателей обсуждались планы организации торговли с Китаем и другими странами через Амур и Тихий океан. В 1859 г. иркутские купцы И. С. Хаминов и К. Г. Марьин направили на Амур своего родственника П. И. Пахолкова с целью установления торговых отношений с Китаем и Японией для организации доставки чая морем на Амур и далее в Забайкалье. Первые опыты по доставке чая морским путем были настолько успешными, что военный губернатор Приморской области посчитал ввоз чая через Николаевск полезным и необходимым. Для реализации этих планов вскоре было создано «Кяхтинско-Амурское товарищество» [10, с. 239–240].

Практически вся дальневосточная буржуазия сложилась из сибирских купцов, их приказчиков и доверенных лиц. Из иркутских купцов происходил основатель крупнейшего торгового дома на Дальнем Востоке И. Я. Чурин. Отделения фирмы «И. Я. Чурин и К» были открыты во всех городах региона, а после постройки КВЖД – и в городских поселениях Северного Китая: Харбине, Порт-Артуре, Инькоу, Имяньпо. По мнению приамурского генерал-губернатора С. Духовского, компания Чурина являлась наиболее надежным и крупным представителем русского торгового дела на Амуре [15, с. 81–82].

Произошедшие перемены усилили позиции сибирских, прежде всего иркутских, предпринимателей в торговле на Амуре и на китайской границе. Уже в 1860-х гг. некоторые из них смогли перенести торговые операции на территорию сопредельных стран. Торговля через Кяхту в это время сокращается вдвое, в то время как в десятки раз вырос экспорт через восточный участок границы и морскую торговлю с Китаем. Крупные российские и сибирские предприниматели, освоившись на внутреннем китайском рынке, включились в промышленное освоение региона. В 1863 г. возникла чайная фирма иркутян Н. Л. Родионова и И. С. Хаминова, которая владела чайными плантациями близ города Ханькоу. В 1876 г. это предприятие приобрел иркутский купец П. А. Пономарев. Он сумел значительно расширить производство. Кроме плантаций были устроены три фабрики по изготовлению плиточного и кирпичного чая. Магазины Пономарева имелись во всех крупных городах Сибири. Фирма «Пономарев и К» установила деловые отношения с Японией, Турцией, рядом стран Европы. Сам владелец занимался усовершенствованием технологии изготовления чая. Он первый стал производить прессованный плиточный чай. Много времени он уделял изучению китайского языка и культуры. В 1870-х гг. он занимал пост русского вице-консула в Ханькоу и за свою деятельность был удостоен звания коммерции советника [8, с. 184].

Активность русского и сибирского капитала на азиатском рынке заставляла власти определить свою экономическую стратегию. Расширение экономического пространства соответствовало геополитической стратегии России в Азиатско-Тихоокеанском регионе и в какой-то мере компенсировало потерю экономического и политического влияния на Тихом океане после продажи Русской Америки. Так, в 1862 г. кяхтинский градоначальник А. И. Деспот-Зинович представил генерал-губернатору Восточной Сибири записку «О мерах для сближения с Монголией», в которой в качестве главной задачи региональной политики определялось «распространение влияния на Китай и в особенности Монголию, Маньчжурию и Тибет». В ней, в частности, говорилось о создании в Восточной Сибири самостоятельной хозяйственной базы, ориентированной на Китай. В другом документе – «Записке о Китайских делах», определявшей внешнеторговую стратегию региона, приоритетными направлениями считались содействие дальнейшему заселению русского Дальнего Востока, развитие в крае промышленного производства, в том числе угледобычи и лесопереработки как экспортных отраслей, удешевление грузоперевозок за счет устройства новых путей сообщения и модернизации транспорта [12, с. 67–68].

Таким образом, в течение XVII–XIX вв. в Сибири была сформирована южная пограничная линия, составляющая несколько тысяч верст практически неохраямой «прозрачной» границы с Китаем, Монголией, казахстанской степью. Сибирь не только играла роль своеобразного посредника между Россией и азиатскими странами, но и, благодаря своему соседству, имела возможности включиться в международную торговлю. Особая роль в развитии международных связей и торговли в течение рассматриваемого периода принадлежала Иркутску, ставшему крупнейшим центром административного и экономического воздействия на сопредельные территории. Иркутское купечество занимало ведущие позиции в расширении российского присутствия на островах Тихого океана, выдвигало многочисленные проекты развития торговых отношений с Китаем, Монголией, Японией, стояло у истоков хозяйственного освоения Амурского бассейна и юга Дальнего Востока.

Список литературы

1. Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина VII в.) / В. А. Александров. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1984. – 272 с.
2. Архив Государственного совета. – СПб. : Тип. Второго отд-ния Собственной Е. И. В. канцелярии, 1888. – Т. 2. Совет в царствование императора Павла I-го (1796–1801). – 882 с.
3. Болховитинов Н. Н. Россия и война США за независимость. 1775–1783 / Н. Н. Болховитинов. – М. : Мысль, 1976. – 272 с.
4. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 70. Оп. 1. Д. 170.
5. Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 655. Оп. 2. Д. 205.
6. Евдокимова С. В. Очерки истории городов Забайкалья / С. В. Евдокимова. – Улан-Удэ : Бур. кн. изд-во, 1993. – 68 с.

7. Зоркин В. И. Иркутские градоначальники. Кн. 1: Воеводы и вице-губернаторы (1661–1764) / В. И. Зоркин. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2006. – 384 с.
8. Иркутск в панораме веков: очерки истории города / отв. ред. Л. М. Дамешек. – Иркутск : Вост.-Сиб. издат. компания, 2002. – 512 с.
9. Матханова Н. П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века / Н. П. Матханова. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 1998. – 428 с.
10. Мемуары сибиряков. XIX век / сост. Н. П. Матханова. – Новосибирск : Сиб. хронограф, 2003. – 346 с.
11. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 24. Оп. 1. Д. 51.
12. Синиченко В. В. К вопросу о выборе стратегии развития внешнеэкономических связей Восточно-Сибирского региона в 60-х гг. XIX в. // Иркут. ист.-экон. ежегодник 2000 г. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2000. – С. 64–69.
13. Шахеров В. П. Экономика сибирского дореформенного города (на материалах городов Байкальской Сибири) / В. П. Шахеров. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2011. – 256 с.
14. Шахеров В. П. «Расстроен, разорен, уничтожен...» Судьба иркутского купца Федора Щегорина // Родина. – 2012. – № 8. – С. 75–77.
15. Шахеров В. П. Иркутское купечество и хозяйственное освоение северо-восточных территорий Сибири // Сибирское общество в контексте мировой и российской истории (XIX–XX в.): материалы Всерос. науч. конф. – Иркутск, 2010. – С. 77–84.

The Role of Irkutsk in the Development of International Relations and Trade with Countries in the Asia-Pacific Region in XVIIIth – XIXth Centuries

V. P. Shaherov

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article deals with development of pre-revolutionary Irkutsk as an administrative and economic centre of Northern Asia. It analyses the main stages of its relationship with China, Mongolia, Japan and territories of Russian America.

Keywords: Irkutsk, merchants, economic ties, fur resources, Chinese goods.

Шахеров Вадим Петрович

*доктор исторических наук,
доцент, кафедра истории России,
исторический факультет
Иркутский государственный университет
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
тел.: 8(3952)240522
e-mail: wodalys@yandex.ru*

Shaherov Vadim Petrovich

*Doctor of Sciences (History), Associate
Professor, Department of Russian History,
Historical Faculty
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003
tel.: 8(3952)240522
e-mail: wodalys@yandex.ru*